

Наталья САВКИНА

ЗА ГОРИЗОНТАМИ ДНЕВНИКА С. С. ПРОКОФЬЕВА: О ГОРЧАКОВЕ

Одна из волшебных черт Дневника: с его появлением в 2002 году люди, представленные в прежнем литературном наследии Прокофьева лишь фамилиями, вдруг заговорили и задвигались, у них появился характер и даже облик. Увиденный, воспринятый и охарактеризованный Прокофьевым предстал перед читателями один из секретарей композитора, Георгий Николаевич Горчаков.

Воспользуемся некоторыми другими источниками, опубликованными и неопубликованными, для того, чтобы добавить новые штрихи к портретам и Горчакова, и, если удастся, Прокофьева¹.

Выходец из культурной и богатой бессарабской семьи², Георгий Николаевич Попа-Горчаков (1903?–16.03.1995) получил образование в Кишиневе. Доброволец, в пятнадцатилетнем возрасте примкнувший к Белому движению, участник Корниловского похода, награжденный двумя орденами Св. Георгия, Горчаков был призван в армию и при большевиках. Так что с Прокофьевым он познакомился уже будучи двадцатитрехлетним военным ветераном, а также автором нескольких сочинений, в том числе, фортепианных сонат, которые создавал на протяжении всей жизни.

Архив зарубежных лет Прокофьева³ сохранил и первое письмо скромного кишиневского поклонника⁴, и рассказ о том, как трое приятелей-бойскаутов жили в пещере, одевались в звериные шкуры и питались дичью, подстреленной из лука. Жюльверновскую атмосферу письма нисколько не нарушает известие о том, что в Кишиневе должен состояться клавирабенд из сочинений Прокофьева⁵. Весной 1926 года Горчаков благодарит Прокофьева за присланный экземпляр

Савкина Наталья Павловна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, член Союза композиторов России

Второго фортепианного концерта⁶ и сообщает, что пишет легенду «Прокопий Праведный благословляет неведомых пловущих»⁷.

Внезапный акцент в их эпистолярных отношениях определил судьбу молодого музыканта:

«...На днях мы в Кишиневе узнали, что Вы scientist, прямо аж подскочили»⁸.

Для Прокофьева принадлежность человека к его духовному сообществу в то время была фактором решающим. Отказавшись давать Горчакову уроки композиции, о которых тот просил, композитор пригласил его приехать в Париж и стать его секретарем. Горчаков появился в доме Прокофьева 13 ноября 1926 года⁹.

Под диктовку композитора он писал письма и некоторые фрагменты Дневника (в частности, хронику первых советских гастролей 1927 года), расшифровывал прокофьевские дирекционные. Он подготовил партитуру «Огненного ангела», часть партитуры второй редакции «Игрока», сделал четырехручное и затем двухручное переложения Скифской сюиты, копировал фортепианное переложение «Классической симфонии», работал над партитурой «Стального скака». Балет дорабатывался буквально в последние часы перед премьерой.

Глубокой душевной близости у них все-таки не возникло. Об этом говорит дневниковая запись Прокофьева от 28 мая 1928 года: «Заявление Грогия о крови горлом и уходе» [2, II, 629]. Заявление, как выяснилось 30 мая, скрывало обиду. Впрочем, возникла удобная для обоих идея приходить «на полдня за полжалованья». Позже они также продолжали общаться, с перерывами до 1938 года, когда Прокофьев в последний раз был в Париже.

Через год Горчаков сообщал Прокофьеву из Ниццы, что много играет и пишет, что показывал свои сочинения «Игорю»¹⁰, который нашел множество

¹ Содержательные материалы, посвященные Горчакову, были опубликованы в № 11 журнала «Три апельсина» (*Three Oranges Journal*): статья «Два друга Прокофьева: Серж Морё и Георгий Горчаков» [5] и фрагменты из неопубликованных воспоминаний Горчакова о Прокофьеве [4]. Приведенные в них факты, как это нередко бывает с мемуарами, иногда входят в противоречие с архивными документами.

² Статья Морё и Беллока [5] свидетельствует о принадлежности семьи Горчаковых к княжескому роду, но художница Галина Махрова, которая встречалась с Горчаковым в Тунисе, пишет, что Горчаков такую принадлежность отрицал [1, 47]. Упоминания заслуживает тот факт, что отец его пел в опере.

³ Имеется в виду Лондонский архив композитора (Serge Prokofiev Archive). Публикуемые, цитируемые и упоминаемые в данной статье письма, если не указано иного, находятся в этом архиве. Приношу благодарность семье композитора за разрешение публиковать архивные материалы.

⁴ Горчаков в своих воспоминаниях называет датой эпистолярного знакомства с Прокофьевым 1922 год [4, 10], однако в архиве Прокофьева первое письмо от Горчакова, в котором тот представляет себя композитору, датировано 24 мая 1924 года. Неверны и комментарии редактора журнала: [4, 13, комм. 2]; [5, 8, комм. 9].

⁵ Письмо Горчакова Прокофьеву от 15 октября 1924 года.

⁶ Летом 1926 года Прокофьев также послал Горчакову свои «Песни без слов» ор. 35.

⁷ Письмо от 8 апреля 1926 года.

⁸ Из письма от 12 апреля 1925 года. Получено Прокофьевым 18 апреля.

⁹ В этой связи утверждение Морё и Беллока [5, 4] о том, что Горчаков был секретарем Прокофьева в начале тридцатых годов, нельзя считать правильным.

¹⁰ Со Стравинским Горчаков иногда встречался и по работе в Российском музыкальном издательстве.

прокофьевизмов, «а в другой раз наорал: <...> в церковь ходить!»¹¹. При этом Стравинский рекомендовал ходить в Карловацкую церковь, так как Евлогийская «лишена благодати и вообще там все сволочи и масоны»¹². Лето 1929 года Горчаков прожил в скаутском лагере близ Ниццы, а в декабре он сообщает, что закончил Пятую сонату и симфонию, что достал первый и второй номера журнала «К новым берегам» за 1923 год, где имеются хорошие статьи о Прокофьеве — И. Глебова («Сказка про Шута»), Жилыева («Сергей Прокофьев»), Фейнберга («О фортепианном стиле Прокофьева»).

«<...> Вышли ли уже в свет “Вещи в себе”? У меня зудит, чтобы их приобрести поскорее. Между сочинением симфонии я изучал курс капитана дальнего плавания, теперь мне предложили — пойти в практическое плавание на торговом паруснике к Антильским островам. Соглашусь, так как 15 ноября бросил свою скаутскую службу в Ницце (переслали платить жалование)»¹³. Посылаю темы симфонии»¹⁴.

О том, что Прокофьев всерьез вникал в творческие дела знакомых людей, свидетельствует письмо, посланное Горчакову в Марсель.

*Г. Горчакову,
Марсель*

*5, rue Valentin Haüy,
Paris XV.
10 июля 1930.*

*Дорогой Георгий Николаевич,
Как Вы и предполагали, издательство десять дней прогноило Ваше письмо, прежде чем передало его мне. Вам наука: верьте адресу, который дают. А если бы я уехал, консьержка все-таки скорее переслала, чем Конюс»¹⁵.*

Простите мое молчание о Вашей симфонии. В нем виноват не столько сезон, который в этом году вышел довольно бледным, сколько мои старания

¹¹ Из письма Горчакова от 21 мая 1929 года.

¹² Там же.

Русская Православная Церковь за границей вследствие внутренних разногласий, отражавших полярность отношений к Московскому Патриархату, в 1927 году формально (фактически раньше) разделась на «карловчан» и «евлогий». Первые сохраняли преданность принципам, которые были провозглашены на Всеаграничном Русском Церковном Собрании (к концу собрания оно стало называть себя Собором) в Сремских Карловцах осенью 1921 года: приверженность идее восстановления монархии, надежда на свержение власти большевиков в РСФСР и возвращение на российский престол династии Романовых. В 1927 году Карловацкий Синод официально декларировал разрыв с Московской патриархией, потребовавшей от заграничного духовенства полной лояльности в отношении к Советскому правительству.

Евлогийская церковь называлась так по имени Управляющего русскими православными приходами в Западной Европе Евлогия. Митрополит (с 1922 года) Евлогий стремился к сближению с Русской Православной Церковью в СССР, был лоялен по отношению к советскому правительству, поддерживал экуменизм, отличался либерализмом — например, он разрешал радиотрансляцию церковных служб.

¹³ В Дневнике Прокофьев приводит и другую причину ухода Горчакова со службы. См. [2, II, 780].

¹⁴ Из письма от 8 декабря 1929 года. См. [там же].

¹⁵ Вероятнее всего, Прокофьев имеет в виду Льва Эдуардовича Конюса, который в это время работал в Российском музыкальном издательстве.

над собственной IV симфонией и над квинтетом. К тому же, мне сразу не понравилась Ваша первая тема: пора бросить эту патетику раннего Скрябина¹⁶. Однако, что меня сразу удивило, это «интеллигентный» вид партитуры, о чем я, кажется, Вам и сообщил в открытке. Надеюсь я также этим воспользоваться, чтобы показать Вашу симфонию какому-нибудь заезжему дирижеру. Но этой весной у меня с Кусей¹⁷ отношения ледяные, а другие джентельмены на беду проскользнули как-то незамеченными.

Сейчас я пересмотрел Вашу партитуру (не очень подробно, но все-таки) и нашел в ней немало интересного, особенно во второй части. Здесь мне нравится основная тема и ряд других мест, выведенных из нея. Первая часть мне по-прежнему нравится меньше, и не всюду ясно, где действительно сочиненная музыка, а где головная работа. Так или иначе, поздравляю Вас с большим прогрессом и советую, не смущаясь могильным камнем¹⁸, продолжать дальнейшую стройку.

Я хотел было вернуть Вам партитуру, но раз Вы уезжаете в безбрежные пространства, то лучше пусть она остается у меня — может мне удастся с пользой показать ее кому-нибудь, если не сейчас, то осенью.

В каких морях Вы идете? При каких обстоятельствах и на как долго? Не забывайте делиться со мной впечатлениями, а также указывать, куда я могу Вам ответить. «Вещи в себе» только что вышли, а потому посылаю их Вам.

Сердечный привет
Ваш
[Прокофьев]

Неплохо задуман конец первой части, но Фа-мажорный квартсекст-аккорд в пятом такте с конца меня резнул.

Летом 1932 года Горчаков сообщает, что пишет симфонию на слова Л. Арагона, которого присудили к 5 годам каторжных работ. «Но он удрал в Москву, где его теперь именуют “наш французский ударник слова”»¹⁹.

Реакция Прокофьева: «...Опять Вы принялись за непрактичный опус. Где рассчитываете Вы будут его играть? <...> В концертах, организованных Humanité²⁰, Или в Москве в 16-ю годовщину?»²¹.

¹⁶ Махрова отмечает особенную любовь Горчакова к Скрябину. См.: [1].

¹⁷ Обычное в письмах Прокофьева прозвище Кусевицкого.

¹⁸ Прокофьев подразумевает сочинение Горчакова, которое тот посылал ему для просмотра в мае того же года.

¹⁹ Из письма от 27 августа 1932 года.

После появления поэмы «Красный фронт» против Л. Арагона во Франции было возбуждено уголовное дело за «подстрекательство к убийству и насилию» (январь 1932 года). Приговор (5 лет тюрьмы) был отменен ввиду многочисленных протестов, в том числе, протестов бывших товарищей и единомышленников Арагона — сюрреалистов, от которых он, однако, публично отмежевался. В июне 1932 года вместе с Э. Триоле писатель отправился в поездку в СССР. Там он стал сотрудником Издательского товарищества иностранных рабочих в СССР (с 1938 года — Издательство литературы на иностранных языках). Долгое время корреспонденцию Арагону нужно было адресовать: «СССР. Москва. Почтовый ящик 850».

²⁰ L'Humanité — основанная в 1904 году Ж. Жоресом ежедневная социалистическая газета. В 1920–1994 г. — центральный орган Коммунистической партии Франции.

²¹ Из письма от 29 августа 1932 года.

Неизвестно, о каком замысле Горчакова идет речь. Список его сочинений, хранящихся

Складывается впечатление, что происхождение Горчакова как-то повлияло на экзотический рисунок его судьбы.

Георгий Николаевич плавал на французских военных судах. После парижского периода он оказался в Тунисе, где пригодилось знание языков (Горчаков, по его словам, понимал речь на 15 языках). В Тунисе тренировал национальную команду пловцов, был руководителем центра для беспризорных детей и сирот, работал с несовершеннолетними преступниками. Во время войны он переводил для французского командования перехваченные вражеские сообщения, был арестован итальянцами.

События невероятные любили группироваться вокруг Георгия Николаевича: сундук с его музыкальными рукописями был Российским музыкальным издательством утерян, но затем на него непонятным образом наткнулся своей трудовой лопатой крестьянин в Бретани; попав в гестапо, Горчаков оттуда выбрался; в суровое время вынужденный жить в дикой местности Туниса, в шалаше, питаясь рыбой, он сумел докопаться до пресной воды. Последнее создало вокруг него ореол чуда, и бей Туниса, прослышав о марабу (святом), призвал его к себе.

Некоторое время Горчаков служил воспитателем племянников бей. Здесь свидетельства мемуаристов, похоже, несколько расходятся. Махрова пишет, что бей дал ему все права гражданства и чин полковника [1, 49]. Статья Морё и Беллока сообщает, что он жил в чудовищной нищете, в комнате без окон, воды и электричества и работал в буквальном смысле за еду [5, 5]. Впрочем, случается, что одно не исключает другого.

Остро ощущая принадлежность к Востоку, к мусульманской религии (мать его была татаркой), он в сороковые годы очень увлекся арабской музыкой. Любил и православное пение. Тем не менее, собственную музыку писал в основном европейскую по стилистике, декларируя близость своей музыкальной речи языку Прокофьева и заранее соглашаясь с определением «эпигон» [5, 6]. Две свои сонатины (без опуса) он назвал «sous le signe de Serge Prokofiev» («под знаком Сергея Прокофьева») [3, 66]. В одном из писем к С. Морё Горчаков упоминает также струнный квартет, посвященный памяти Прокофьева, и Вариации на тему Прокофьева [5, 8]. В списке его музыкальных сочинений — 136 опусов. Б. Морё называет только три опубликованных: две серии «Писем самому себе» («Lettres à moi-même») и сонату ор. 25 № 3 [ibid., 4]. Фортепианных сонат у него 32. По словам Горчакова, больше, чем Бетховен, он позволить себе не мог [1, 50].

Г. Махрова рассказывает, что особенно долго Горчаков работал над своей Третьей симфонией, которую собирался посвятить пятидесятилетию СССР. Советский атташе по культуре пророчил ему, что Симфонию будут исполнять в Большом зале Московской консерватории. Поездка в Москву, как и исполнение, не состоялась, о чем Георгий Николаевич очень горевал. Махрова приводит также слова из письма Лины Прокофьевой, которые, очевидно, пересказал ей Горчаков, они касаются его тоски по родине: «Если на концерт — то хорошо, а если навсегда — съедят!» [там же, 51]. Автограф Третьей симфонии ор. 37 среди его сочинений сохранился (Национальная библиотека Франции. См.: [3, 66]).

в Национальной библиотеке Франции, подходящих названий не содержит. См.: [3, 63–67]. Махрова пишет, что некоторые свои рукописи Горчаков сжег.

В своих воспоминаниях о Прокофьеве, которые Горчаков писал на протяжении нескольких лет, он избегал упоминать о религиозности Сергея Сергеевича, опасаясь за судьбу Святослава и Олега, живших в СССР (об аресте Лины Прокофьевой он знал). Только в 1963 году в рукопись был включен фрагмент, посвященный Христианской науке в жизни композитора.

«Конечно, воодушевление, с которым Прокофьев сочинял «Блудного сына», основывалось на его религиозных верованиях — об этом он говорил мне сам», — утверждал Горчаков ([4, 13], пер. с англ. Н. Савкиной).

Г. Н. Горчаков. Кадры из телевизионного фильма
«Простодушный человек с серыми глазами» (1991)

«<...> Я могу свидетельствовать, что Прокофьев очень серьезно относился к доктрине М. Бейкер-Эдди, основательнице Христианской науки, и что свою жизнь он согласовывал с принципами доктрины <...>» [ibid.].

Прокофьев не пропускал воскресные службы во второй церкви Христианской науки на бульваре Фландрэн, и нередко выговаривал Горчакову, поскольку тот посещениями церкви манкировал. Из Дневника известно, что Прокофьев с трудом переносил пение в церкви, но воспоминания Горчакова содержат уточнение в высшей степени важное: композитор не просто терпел, он *пел* гимны вместе со всей общиной. Всю жизнь, как сокровище, секретарь хранил сборник гимнов Христианской науки, который оставил ему Прокофьев, возвращаясь в СССР.

Именно по совету Прокофьева Горчаков написал в 1934 году кантату «O Gentle Presence» на тексты М. Бейкер-Эдди. Напомню, что Прокофьев и сам думал о написании сочинений на религиозные сюжеты: в 1914 году он упоминает о музыке панихиды, в 1927 году — о сюжете Апокалипсиса, однажды он выписал текст псалма из «Christian Science Sentinel»²². Сайентист У. Ч. Клейн в 1929 году прислал композитору свои стихи («Stilling of the Tempest», «Thine and Mine» и другие). Прокофьев отвечал 8 декабря 1929 года: «Мне очень понравились Ваши стихи, и я часто думаю, что нужно написать что-нибудь для церкви. Пока не уверен, обращусь ли я по этому случаю к стихам или буду писать музыку прямо на тексты из Библии» ([6, 21]).

...Вернувшись на Запад в 1974 году, Лина Прокофьева встретила с Горчаковым, они стали переписываться. Старый музыкант одиноко жил в Тунисе.

Письмо Г. Горчакова Л. Прокофьевой от 9 августа 1984 года из Ля-Марсы (Тунис):

²² Журнал Христианской науки; Прокофьевы любили его читать и выписывали постоянно. Издание выходит и сейчас.

Gortchakoff
2 rue Moncef Bey,
La Marsa, Tunisie,
9 Août 1984

Дорогая Лина Ивановна!

Спасибо за Ваше милое письмо – оно принесло мне большую радость. К сожалению, я Ваши письма не получал вот уже больше года. Думал, что Вы путешествуете и что Вам не до писем. А получилось досадное недоразумение: я снова переехал в прежний дом, в Марсе, и заявил на почте о своем переезде. Очевидно, почта не очень внимательно отнеслась к моему заявлению. Впрочем, Ваше письмо, несмотря на мой бывший адрес, все же, к счастью, дошло.

Я очень жалею, что пришлось переехать, так как в Гаммарте у меня была очень большая комната, с видом на море, дом был в большом саду – почти рай, особенно для моей кошачьей семьи. Впрочем, были и неудобства: приходилось ходить очень далеко за покупками и тратить деньги на такси.

Переезд обошелся дорого и был весьма утомителен. К счастью друзья (французы) мне сильно помогли со своими автомобилями.

Вообще, этот переезд был сплошным сумасшествием. Дом был только что построен, масса удобств, электрическое отопление, все комнаты с туалетом и ванной и т. д. Но вот, мои бывшие воспитанники решили, что этот дом приносит несчастье, что нужно его продать и вернуться в старый дом, единственное удобство которого быть в центре Марсы. Таким образом, я снова оказался в комнате, которую Вы посетили.

К моему удивлению (и неудовольствию), я оказался на пороге славы (что-то поздновато!): 26 июня, в Тунисе состоялся «festival» из моих сочинений – были исполнены две большие кантаты с хором в 70 хористов (кантаты на древне-египетские тексты, поразительно соответствующие Christian Science!). Пианист из Страсбурга исполнил мои Вариации, два Гимна для ф-п. И сюиту на татарские песни. Русская певица из Гренобля спела (очень хорошо) мои романсы на слова Ахматовой и Цветаевой. Зал был полон, успех был большой, несмотря на трудноватость музыки, особенно в кантатах.

На этот концерт приехал из Швейцарии молодой издатель из Neuchâtel. Моя музыка ему так понравилась, что он решил издать все, что было исполнено на концерте и выпустить также пластинки. Я его искренне отговаривал, предупреждая, что я, как композитор, никакого коммерческого интереса не представляю и что он потеряет на мне свои деньги. Но убедить его не удалось и он, сделав копии, забрал все с собой.

Кроме этого, radio-Grenoble хочет посвятить мне emission (как это по-русски?) моей музыке²³.

Все это было бы хорошо и забавно 50 лет тому назад, сегодня же меня не интересует, а подчас и раздражает.

В прошлом году, к моему восьмидесятилетию, друзья мне преподнесли клавир «Войны и мира» и пластинки этой оперы (к сожалению,

²³ Сведений об аудиозаписях музыки Горчакова, так же, как и о радиопередаче, обнаружить не удалось.

в записи много купюр). Музыка прекрасная, мастерство замечательное, Сергей Сергеевич до конца оставался *grand Maître*. Но как плохо сделано *libretto*! В некоторых сценах коробит вульгарность, которой нет (и быть не могло) у Толстого. В этом сказывается советское воспитание Мендельсон²⁴. Сцена постройки редута, разговоры рабочих, солдат — все это ужасно грубо. Наполеоновская сцена и Французы в Москве — сплошная карикатура. Народные хоры пахнут советской пропагандой. Облик Кутузова мало соответствует исторической правде и толстовскому описанию.

Я думаю, что Вам следует сделать операцию катаракта [так у Горчакова — Н. С.] — ведь *Mary Baker Eddy*²⁵ советует в некоторых случаях обращаться к хирургам. С моей стороны, постараюсь мысленно поработать на тему, что ничто не может помешать Вашему восприятию света, гармонии и божественной любви, в которых Вы пребываете вечно. В первом послании апостола Иоанна есть замечательные слова: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Возлюбленные! Мы теперь дети Божи. И всякий, имеющий надежду на Него, очищает себя».

Какие вести от Святослава и Олега? Сидя за своим пианино, с радостью смотрю на Вашу фотографию с мальчиками и слышу Ваше исполнение «Гадкого утенка».

Ну, на этом заканчиваю свою болтовню. Крепко Вас обнимаю и целую.
Преданный Вам
Горчаков.

Для полноты картины добавлю, что Георгий Николаевич увлекался также оккультизмом.

В заключение — еще один эпизод на тему «Горчаков — Прокофьев». В 1991 году Г. Н. Горчаков дал интервью Центральному телевидению для документального фильма о Прокофьеве «Простодушный человек с серыми глазами»²⁶; снимали Георгия Николаевича в Тунисе. Помимо своих мыслей о музыке композитора, он рассказал о случае на работе. Как-то летом на море скаут и спортсмен Горчаков (Махрова сообщает, что однажды он переплыл Карфагенский залив) решил поплавать в разбушевавшихся волнах. Через десяток лет после телеинтервью благодаря публикации Дневника разъяснились точная дата и место этого купания: 10 июля 1927 года; место действия — St. Palais-sur-Mer, близ Royan. Заплыв, как рассказывал Георгий Николаевич в 1991 году, ему вполне удался, но, выбираясь из воды, он поранился до немалой крови. Особенно пострадали руки. Факт получения секретарем травм композитор в Дневнике зафиксировал: «Грогий купается и волной его бросило о скалу: вернулся кровавый, в восемнадцати порезах» [2, II, 572]. Но герой происшествия и более 60 лет после случившегося не смог забыть реакцию Прокофьева: «Но Вы же теперь долго не сможете работать!» Мать Горчакова, узнав о происшедшем, была потрясена: «Как ты можешь иметь дело с таким человеком!»

²⁴ Мира Александровна Мендельсон, вторая жена С. С. Прокофьева.

²⁵ Мери Бейкер-Эдди — основательница Христианской науки.

²⁶ Государственная телерадиовещательная компания СССР, 1991. Автор сценария Н. Савкина, режиссер Ю. Рашкин.

Фильм монтировался в те дни августа 1991 года, когда по улицам Москвы ездили танки. Эпоха глянцевых портретов пыталась взять реванш у времени компроматов и сенсационных разоблачений, а потому эпизод о жестокосердии Прокофьева пал жертвой монтажных ножниц.

Использованная литература

1. *Махрова Г. А.* Мой Тунис. М.: Русский путь, 2002. 168 с.
2. *Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933: в 3 т. Париж: SPRKF, 2002. 816, 896, 64 с.
3. Русские музыкальные архивы за рубежом: справочник / Сост. И. В. Брежнева, Г. М. Малинина. М.: МГК им. П. И. Чайковского, 2004. 155 с.
4. *Mann N.* Georgii Gorchakov and the story of an unknown Prokofiev Biography // Three Oranges Journal. № 11. May 2006. P. 9–13.
5. *Moreux B., Bellocq I.* Two friends of Prokofiev: Serge Moreux and Georgii Gorchakov // Three Oranges Journal. № 11. May 2006. P. 3–8.
6. *Savkina N.* The significance of Christian Science in Prokofiev's life and work // Three Oranges Journal. № 10. November 2005. P. 18–24.